

Потапенко Игнатий Николаевич

**Забывтый пономарь:
Повесть**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Забывтый пономарь: Повесть / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 128 с.

ISBN 978-5-519-79277-6

ISBN 978-5-519-79277-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ обѣ стороны, открывая вполнѣ не слишкомъ щепетильный интимный туалетъ отца дьякона, а рысы на немъ совсѣмъ не было.

— Фу!—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ онъ, подойдя къ досчатой изгороди тока и, поднявъ правую ногу, чтобы перелѣзть черезъ нее, такъ какъ это было сдѣлать легче и скорѣе, чѣмъ развязывать отъ столба ворота и отворять ихъ.—Ну, Леонидъ, просто не знаю, какъ и быть.

Онъ уже перелѣзъ черезъ заборъ и стоялъ около Леонида, который, въ увлеченіи работой, поднялъ цѣпь надъ самой его головой.

— Да ты постой, — прибавилъ отецъ дьяконъ: — я вѣдь не снопъ жита, меня молотить не для чего...

— Откуда вы взялись, отецъ дьяконъ? — спросилъ, чинно опустивъ свое оружіе, Леонидъ: — да еще такіе, что даже не знаю, что и подумать... Оно вамъ даже вредно въ такую жару... Шея-то у васъ короткая, отецъ дьяконъ... Не дай Богъ чего...

— А, ну тебя, съ твоей шеей!.. Не до шши тутъ... Съ отцомъ Анастасіемъ бѣда...

— Съ отцомъ Анастасіемъ? А что такое съ отцомъ Анастасіемъ?

— Худо, говорю, худо. Вдругъ это сдѣлалось, какъ бы вродѣ удара...

— Да что вы говорите?

— То и говорю, что есть... Пошелъ я къ нему, самъ знаешь, зачѣмъ. На хуторѣ старый Щебнякъ померъ, такъ завтра просили хоронить... Ну, и засталъ его ничего себѣ, сидѣлъ въ сѣняхъ — это для прохлады — и квасъ лимонный, что матушка такъ хорошо дѣлаетъ, пилъ... Одно только: никогда, говорить, отъ жары такъ

не страдалъ, какъ сегодня, и даже, говоритъ, головокруженіе чувствую. Это онъ сказалъ. Одначе, продолжалъ разговоръ и даже назначилъ завтра утречкомъ въ шесть часовъ, въ прохладѣ чтобы, на хуторъ ѣхать. А Леонида, говоритъ, тревожить не будемъ, потому что у него жаркая работа. Только смотрю: у него какъ бы въ глазахъ помутнѣніе, а самъ это краснѣетъ, да все больше и больше, да вдругъ рукой замахалъ передъ собою, а другой воротъ рубахи разрываетъ, а устами—такъ видно, что усиліе дѣлаетъ что-либо сказать да не можетъ. Вижу, дѣло плохо, матушку покликалъ... Поддержали. Работникъ Оома прибѣжалъ... Подхватили его втроемъ да на диванъ перенесли, а онъ и чувствъ лишился...

У Леонида выпалъ изъ рукъ цѣпъ и ударилъ его самого по ногамъ.

— Такъ это что же?... Конецъ, что-ли? — спросилъ онъ оторопѣвшимъ голосомъ.

— Конецъ не конецъ, а плохо... совсѣмъ плохо!.. Привели въ чувство да того... языкомъ не владѣетъ... Такъ что-то лопочетъ, а понять невозможно. И лѣвой ноги не чувствуетъ... Дрянное дѣло, Леонидъ...

— Фу ты, Господи!.. Жалко!.. Ей-ей жалко!..

— Да какъ же не жалко? Хорошій человѣкъ! Какъ тутъ не жалко?

— Да вы меня прямо сразили, отецъ дьяконъ! О. Анастасій! Такой здоровый былъ человѣкъ... И не пилъ онъ такъ, чтобы ужъ чрезмѣрно... Ну, я теперь даже и молотить не могу... Руки опустились!..

— Гдѣ ужъ... Брось... Завтра, пожалуй, день тебѣ подарю... Тамъ за докторомъ послали въ городъ... Сорокъ пять верстъ! Пока пріѣдетъ... Эхъ!

О. дьяконъ махнулъ рукой и этимъ жестомъ досказалъ свою мысль.

Леонидъ ужъ больше не подымалъ цѣпа.—Сгреби это, Марина!—сказалъ онъ дѣвчонкѣ, и пока та работала граблями, сгребая недомолоченную солому въ кучу, онъ вмѣстѣ съ дьякономъ направился въ домъ.

Тутъ дьяконъ повторилъ свой рассказъ дьяконшѣ и всѣмъ своимъ многочисленнымъ чадамъ. Дьяконша тотчасъ же сняла засаленный фартукъ, наскоро собрала волосы и заключила ихъ въ сѣтку и вообще привела себя въ болѣе приличный видъ и затѣмъ, какъ женщина столь же сердобольная, сколь и любопытная, поспѣшно отправилась соболѣзновать и помогать матушкѣ ухаживать за больнымъ.

Дьяконскія дѣти не испытали особеннаго потрясенія при извѣстїи о болѣзни о. Анастасія и, высыпавъ гурьбою во дворъ, продолжали прерванную игру. Марина, хотя и добросовѣстно помогавшая отцу въ молотьбѣ, но не испытывавшая отъ этого никакого удовольствія, съ большою живостью присоединилась къ нимъ.

Дьяконъ и Леонидъ остались вдвоемъ. Оба были разстроены и довольно долго не могли сказать другъ другу ничего дѣльнаго, а все произносили восклицанія, изъ которыхъ можно было понять, что участь о. Анастасія была для нихъ неожиданна и что оба они были искренно огорчены. Дьякону первому пришли въ голову практическія мысли.

— И полагаю я, что онъ ужъ болѣе не встанетъ, нашъ о. Анастасій?..—заявилъ дьяконъ.

— Не встанетъ!—какъ эхо повторилъ Леонидъ.—А бываетъ, что и поправляются... Особенно ежели съ жары... А у него это съ жары... Ужъ такая сегодня

жара, я думаю, что и въ адѣ не жарче... Ужь на что я — сухой человѣкъ, а и то въ голову ударило, о. дьяконъ!

— Можетъ и встанетъ, да только не будетъ годенъ... Члены отнялись, вотъ что плохо!..

— Жалость какая!

— За штатъ уйдетъ!..

— Что жъ... Домишко у него свой, достатокъ малый есть, даже землицы своей собственной тридцать двѣ десятины имѣетъ. А матушка у него — хозяйственная. Дѣтей малыхъ нѣту, а семинаристовъ на казенный коштъ возьмутъ... Проживутъ!..

— Такъ-то оно, такъ, Леонидъ... Да я не объ этомъ...

— А объ чемъ же, о. дьяконъ?

— А объ томъ я, что ежели о. Анастасій въ заштатъ уйдетъ, такъ намъ другого назначать...

— И я думаю, назначать! Какъ же иначе? Ну, и пускай себѣ! — откликнулся Леонидъ.

— Ты говоришь, пускай? Гм... А вѣдь неизвѣстно, какой еще будетъ! О. Анастасій добрый, а тотъ — Богъ его знаетъ. Вотъ про что я говорю.

— Эхъ, о. дьяконъ! Для чего ему недоброму быть? Зла мы ему не будемъ дѣлать, ну, значить, — и онъ къ намъ обязанъ быть по человѣчеству...

— Эхъ, Леонидъ, Леонидъ! Старъ ты человѣкъ, а умомъ все младенецъ... Не приходится мнѣ наводить тебя на это, а надо... Забылъ ты, что-ли, а?

— О чемъ это вы, о. дьяконъ?

— Ну, вотъ, я же говорю, что ты умомъ младенецъ. Вѣдь новый-то, когда будетъ ѣхать сюда, я думаю, въ консисторію справится, какой у насъ штатъ положенъ...

— А пускай себѣ справляется!

— Да какъ же пускай? Справится онъ и узнаетъ, что тутъ полагается настоятель и псаломщикъ, и болѣе никого. А какъ псаломщицкую вакансію замѣщаю я, то и выходитъ, что ты какъ бы тутъ не при чемъ!

— Какъ же я не при чемъ? Жить же мнѣ надо, какъ вы полагаете объ этомъ, о. дьяконъ?

— Вотъ ты опять свое! Жить надо, конечно, всякому надо жить, да какъ вакансіи нѣтъ? Какъ тутъ быть?

— Вотъ вѣдь вакансіи и теперь нѣтъ, а живу же я?

— Ну, такъ ты окончательно глупъ, Леонидъ. Ты какъ будто ничего и не помнишь. Знаешь же ты, что назадъ тому восемь лѣтъ, по указу консисторіи, во всей губерніи нашей пономари были уничтожены. Всѣмъ пономарямъ было велѣно либо держать экзаменъ на псаломщика, либо подавать за штатъ. И какъ твоя должность была пономарская, то она была тѣмъ указомъ уничтожена. Вотъ ты тогда и пришелъ къ о. Анастасію и говоришь:—что же я теперь буду дѣлать?—А у тебя какъ разъ въ то время жена скончалась, и ты остался одинокъ, съ Мариной на рукахъ, и былъ ты въ великомъ горѣ. О. Анастасій и говоритъ:—подавай на псаломщика, держи экзаменъ!—А ты ему: гдѣ мнѣ? Развѣ я могу? Какая моя ученость?—Ну, тогда въ заштатъ, говоритъ о. Анастасій. А ты плакать началъ, потому была у тебя Марина, пятилѣтка, ты и говоришь:—какъ же я ее прокормлю, о. Анастасій?—Ну, вотъ, о. Анастасій, видя твою нужду и какъ ты впалъ въ отчаяніе, и говоритъ мнѣ: — знаешь что, дьяконъ... Жили мы доселѣ втроемъ, и намъ хватало, будемъ и впредь такъ жить...—А я еще спросилъ его:—а какъ же указъ?—А онъ отвѣчаетъ: — ну, что жъ такое, что указъ? Ежели

мы по своей волѣ желаемъ съ нимъ дѣлиться, такъ это никому не обидно. Указъ себѣ указомъ, а Леонидъ пускай доживаетъ свой вѣкъ пономаремъ. Мы просто ничего объ этомъ писать не будетъ, да и только. А благочинный пріѣдетъ и посмотритъ на это сквозь пальцы.— Такъ и сдѣлали. И жилъ ты.

— Такъ оно и есть, о. дьяконъ!—просто и спокойно согласился Леонидъ.

— Гм!.. Такъ оно и есть. Но вѣдь такъ оно не будетъ! О. Анастасій мнѣ мою псаломщицкую долю отдаетъ, съ каждого рубля по тридцать копѣекъ, потому иначе мнѣ съ моей кашей (при этомъ онъ кивнулъ головой по направленію ко двору, гдѣ играли его дѣти) прожить нельзя, а кромѣ того изъ своей настоящей доли—тебѣ отдѣляетъ десять копѣекъ... Такъ вѣдь это же его добрая воля, а другой этого дѣлать не обязанъ... Ты вникни, Леонидъ, вникни...

— Чудные вы, о. дьяконъ. Да что же намъ звѣря, что-ли, пришлютъ? Вѣдь человѣкъ же онъ будетъ, человѣкъ!

Дьяконъ съ минуту выразительно смотрѣлъ на Леонида, потомъ покачалъ головою, махнулъ рукой и сказалъ:

— Съ тобою говорить только время тратить! Ты будто не человѣкъ, а духъ. Сказать бы, молодъ былъ, неопытенъ, а то—сѣдовласъ, на двухъ женахъ женатъ былъ и отъ первой претерпѣлъ много страданій... А все въ жизни ничего не понимаешь. Счастливый ты человѣкъ, Леонидъ, какъ я погляжу!

— А чѣмъ нѣтъ? Я никогда и не жалуюсь...

— Счастливый! Все тебѣ въ лучшую сторону показывается... Тебѣ ежели бы каменный дождь съ неба

падалъ, а ты бы говорилъ: манна небесная! Какъ же ты не счастливый? Такъ молотить сегодня не будешь?— прибавилъ дьяконъ уже вполнѣ дѣловымъ тономъ.

— Если говорите, что завтра можно, такъ ужъ воздержусь. Тяжко какъ-то! Очень взволнованъ я отцомъ Анастасіемъ. Пойду вотъ къ нему да справлюсь, не лучше-ли. И доктора изъ города дождусь...

Леонидъ надѣлъ полукафтанье, поправилъ косичку, водрузивъ ее какъ разъ посерединѣ затылка, покрылъ голову черной шляпой, отъ времени утратившей свой первоначальный фасонъ и не пріобрѣвшей новаго, и вышелъ изъ дома. Проходя мимо игравшихъ дѣтей, онъ остановился, погладилъ по бѣловолосой головѣ четырехлѣтняго дьяконскаго Веніамина и сказалъ своей Маринѣ:

— Я къ о. Анастасію! Къ обѣду приду, а коли не приду, кушайте съ Дарьей безъ меня... А молотить нынче не будемъ...—и пошелъ деревенской дорогой.

II.

О. Анастасій жилъ въ своемъ домѣ, который построило и подарило ему общество въ тотъ годъ, когда праздновалось двадцатилѣтіе его службы на приходѣ. Раньше онъ жилъ въ старомъ церковномъ домѣ, нынѣ уже совсѣмъ развалившемся. Отъ церкви надо было пройти съ полъ-версты. При домѣ былъ палисадникъ, высокіе сараи и обширный токъ, на которомъ стояли длинные скирды сѣна и круглые, желтые стоги еще не умоложеннаго хлѣба. Домикъ, одноэтажный, аккуратненькій, съ зелеными оконными рамами, съ хорошо подстриженной камышевой крышей, на которой въ помѣститель-

номъ кругломъ гнѣздѣ ютилось семейство аистовъ, былъ, какъ и всѣ деревенскія хаты, построенъ изъ соломы, камыша и глины. Неподалеку извивалась узкая ложбина—высохшее за лѣто русло рѣчки; но весной оно наполнялось водой, которая на зиму превращалась въ ледяной катокъ. Тутъ ребяташки съ утра до вечера „скользались“, устроивъ себѣ коньки изъ высохшихъ реберъ дохлой овцы. Зимой это было самое веселое мѣсто во всей деревнѣ, а теперь солнце палило здѣсь, какъ и вездѣ.

Около дома о. Анастасія высился длинный столбъ, на самой верхушкѣ котораго былъ поперечно водруженъ другой такой же; одинъ конецъ его съ привязаннымъ къ нему деревяннымъ ведромъ, носящимъ названіе „бадьи“, смотритъ прямо въ небо, другой, съ тяжелымъ камнемъ, припалъ къ землѣ. Это—журавль, при помощи котораго вытаскиваютъ воду изъ колодца. А колодецъ тутъ же, подъ журавлемъ, узкій и глубокій; со дна его вѣетъ прохладою и, если наклониться надъ нимъ и произнести какое-нибудь слово, или кашлянуть, или чихнуть, то тамъ, въ этой зеркальной глубинѣ, въ которой отражаются и журавль съ бадьей, и небо съ бродящими по немъ бѣлыми облачками, звукъ этотъ повторяется цѣлымъ хоромъ таинственныхъ голосовъ — звонкихъ, крикливыхъ, протяжныхъ. Оттого-то ребяташки такъ любятъ заглядывать въ этотъ колодецъ и потому-то жерло его прикрыто тяжелой двустворчатой дверцей, запертой большимъ желѣзнымъ замкомъ, и всякій разъ, когда надо достать изъ него воды какому-нибудь проѣзжему человѣку, чтобы попить лошадь и самому освѣжиться холодной влагой, приходится обращаться за ключемъ къ самой матушкѣ.

Леонидъ шелъ быстрой походкой, но его часто останавливали мужики, молотившіе хлѣбъ на своихъ токахъ. О. дьяконъ, проходя этой же дорогой часъ тому назадъ, многимъ сообщилъ о несчастіи, постигшемъ о. Анастасія. И теперь мужики, видя духовное лицо, опускали свои цѣпы и озабоченно спрашивали.

— А что, Леонидъ Марковичъ, правда, что съ нашимъ батюшкой такая бѣда стряслась?

— Самъ не видалъ еще, а о. дьяконъ говоритъ, что такъ!—отвѣчалъ Леонидъ.

Мужики сочувственно качали головою и не сразу послѣ этого продолжали работу. Леонидъ подвигался дальше, и его останавливалъ тотъ же вопросъ. Такимъ образомъ его не длинное по разстоянію путешествіе затянулось, и когда онъ подходилъ къ дому о. Анастасія, солнце уже изрядно подалось на западъ и дневная жара видимо ослабѣла.

Собаки, лежавшія за воротами, ни на минуту не усомнились въ Леонидѣ. Онѣ отлично знали эту длинную поджарую фигуру въ черной шляпѣ и въ узкомъ кафтанѣ, утратившемъ отъ времени сколько-нибудь опредѣленный цвѣтъ. Поэтому онѣ даже не подняли головы, а только привѣтственно постучали хвостомъ по землѣ. Только одна Юзъка, съ гладкою шерстью шеколаднаго цвѣта, отличавшаяся лстивымъ характеромъ, поднялась и начала въ честь Леонида извиваться всѣмъ своимъ туловищемъ, словно ее щекотали.

Леонидъ вошелъ во дворъ. Работникъ Оома несъ въ конюшню охабку сѣна для лошадей. Увидѣвъ Леонида, онъ остановился и хотѣлъ-было снять шапку, но вдругъ вспомнилъ, что у него обѣ руки заняты сѣномъ и пошелъ дальше. Во дворѣ больше не было ни души. Онъ

вошелъ въ сѣни и былъ удивленъ необычайной тишиной въ комнатахъ. Тутъ онъ повернулъ не направо, гдѣ былъ кабинетъ о. Анастасія, а налево, гдѣ помѣщалась столовая и гдѣ скорѣе всего можно было встрѣтить матушку.

Но матушки онъ здѣсь не нашелъ. За столомъ сидѣла и приготоўляла горчичникъ діаконаша.

— Тише, Леонидъ! — шепотомъ произнесла она, и Леонидъ сейчасъ же сталъ на цыпочки и со всею осторожностью притворилъ за собой дверь.

— А что? Какъ о. Анастасій?—спросилъ онъ.

— Должно быть, что плохо... Присядь! Фершалъ сказалъ, что рука и нога отняться должны...

— Фершалъ? Да онъ развѣ понимаетъ? Фершалу вѣрить нельзя. Онъ пьяница. Онъ ничего не понимаетъ. Я ему курицу лѣчить не довѣрилъ бы... Это горчичникъ?

— Фершалъ велѣлъ на спину поставить...

— Это ему надо поставить въ одномъ мѣстѣ... Какъ же можно въ такомъ дѣлѣ этого пьяницу слушать? Можетъ, онъ отъ этого самаго горчичника умереть!..

— Не знаю... Мнѣ матушка приказала: растирай, говорить, діаконаша, горчицу...

— Такъ матушка же теперь головы лишилась и на все бросается... Какъ же можно?.. Надо доктора подождать...

— Не знаю, Леонидъ, не знаю...

Вошла матушка съ опухшими отъ слезъ глазами.

— Охъ, Леонидъ, и ты здѣсь! Охъ!—простонала она: спасибо добрымъ людямъ... Не одна я!..

— Вы, матушка, никогда одна не будете! не разстраивайтесь!—сказалъ Леонидъ.—А только этого пьяницу, Конопляненка, прогоните...